

צרויה שלו

חיי אהבה

ЦРУЯ ШАЛЕВ

БИОГРАФИЯ
ЛЮБВИ

РОМАН

*Перевод с иврита
Бориса Борухова*

Москва «Текст» 2019

УДК 821.41
ББК 84(5Изр)
Ш18

*Фотография на обложке
предоставлена Айрис Нешер
© Iris Neshet*

ISBN 978-5-7516-1523-9

Copyright © Zeruya Shalev
Published by arrangement with The Institute for the Translation
of Hebrew Literature
© Б. Борухов, перевод, 2019
© «Текст», издание на русском языке, 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это не мой папа и не моя мама. Почему же именно он открывает мне дверь родительской квартиры, загородив собой узкий дверной проем и крепко сжимая дверную ручку? Я начинаю пятиться: наверно, ошиблась этажом. Однако ажурная табличка на двери упрямо свидетельствует, что квартира — их, или, по крайней мере, была ею раньше.

— Что с моими родителями? — спрашиваю я еле слышно.

— Ничего, — говорит он, раскрыв большие пепельные губы. — С ними, Яара, все в порядке.

Мое имя трепыхается у него во рту, как рыба, пойманная в сеть.

Я протискиваюсь в дверь, задевая рукой его прохладную безволосую руку, минуя пустую гостиную, открываю дверь спальни, и, словно застигнутые на месте преступления, мои родители одновременно поворачивают ко мне головы.

Мама лежит в постели. Голова у нее обернута цветастым кухонным полотенцем, а рука поддерживает лоб, словно он вот-вот упадет. Папа же сидит на краю кровати, держа в руке стакан с водой, и нервно раскачивает его из стороны в сторону. На полу, у его ног, уже натекла небольшая лужица.

— В чем дело?! — спрашиваю я.

— Плохо себя чувствую, — говорит мама.

— Всего пару минут назад она чувствовала себя отлично, — говорит папа.

— Вот видишь? — бурчит мама. — Он снова мне не верит.

— А что сказал врач?

— Какой еще врач? — говорит папа. — Она здорова, как лошадь. Дай Бог, чтоб я был так здоров.

— Но вы же вызвали врача, правда? — продолжаю допрашивать я. — Это же мне врач открыл, нет?

— Врач? — смеется папа. — Это мой друг, Арье Эвен. Ты что, его не помнишь?

— А с чего бы ей его помнить? — говорит мама. — Когда он уехал за границу, она еще не родилась.

— Ладно, пойду к нему, — говорит папа и встает с кровати. — Неудобно как-то оставлять его там одного.

— А по-моему, ему очень даже комфортно, — замечаю я. — Ведет себя прямо как хозяин.

Мама вдруг начинает кашлять, и глаза у нее краснеют.

— Побудь со мной, Шломо, мне что-то нехорошо, — охрипшим голосом просит она, но потерявший терпение папа сует ей в руку почти пустой уже стакан и, наступив на прозрачную лужицу на полу, направляется к выходу.

— Яара с тобой побудет. Разве не для этого существуют дети?

Мама раздраженно выпивает остатки воды и сдергивает с головы влажное полотенце. Ее жалкие жидкие волосы торчат на голове, как колочки ежа, и, когда она начинает их приглаживать, я невольно вспоминаю, какая у нее была раньше роскошная, живая, как котенок, коса. Куда бы она ни ходила, всегда заплетала волосы в косу.

— Почему ты отрезала косу? — спрашиваю я. — Это же все равно что ногу отрезать. Ты могла бы с такой же легкостью отрезать себе ногу?

— Она мне больше не шла, после того, как... После того, как все изменилось, — говорит мама, принимая сидячее положение и с ненавистью глядя на часы.

— Ну?! Сколько он еще там собирается сидеть?! Мне осточертело валяться в постели! Да еще посреди бела дня!

— Так ты правда, что ли, не больна? — удивленно спрашиваю я.

— Конечно, нет, — ухмыляется она. — Я просто этого типа терпеть не могу.

— Я тоже, — выпаливаю я, чувствуя, что дотронувшаяся до него рука горит, как после укуса пчелы. — А почему ты его не выносишь? — спрашиваю я, ощупывая руку, чтобы проверить, не опухла ли она.

— Это длинная история. Зато твой папа его обожает. Они с ним когда-то учились, тридцать лет тому назад; лучшим его другом был. Но мне всегда казалось, что Арье с ним просто играет и даже в каком-то смысле его использует. По-моему, он вообще неспособен чувствовать. Мы о нем много лет ничего не слышали, и тут он вдруг объявился. Хочет, чтобы папа сделал что-то для его жены.

— Но ты же сказала, он за границу уехал, — неожиданно для себя вступаю я за гостя.

— Да, они жили во Франции и вернулись совсем недавно, — раздраженно говорит мама. — Однако, если есть желание, можно поддерживать отношения и из-за границы.

От обиды лицо ее съеживается и становится похожим на морщинистый, покрытый старческими пятнами, хоть и сохранивший в себе что-то детское, треугольник, а запыленные, как много лет не мытые окна, глаза суживаются и напоминают сейчас двух недоверчивых стражников, охраняющих красивый прямой нос (который я, кстати, от нее унаследовала) и горько искривившиеся бледные губы, из которых кто-то словно высосал всю их мякоть.

— А что он делал во Франции?

— То же, что и везде. Ничего. Папа, правда, убежден, что он был там в командировке от министерства обороны и занимался чем-то суперсекретным, но, по моему, он просто жил за счет богатой жены. Голодрапец, женившийся на деньгах. А теперь вот вернулся, чтобы пофорсить перед нами своими европейскими манерами.

Я вижу, как она всматривается в стенное зеркало, где отражается ее рот, из которого вылетают грязные, ядовитые слова, и думаю: «Неизвестно еще, что она способна сказать обо мне».

Мне становится возле нее душно, и я говорю:

— Мне пора.

— Подожди, не уходи! — вскрикивает мама, пытаясь удержать меня так же, как пыталась удержать папу. — Побудь со мной, пока он не уйдет.

— Зачем?

— Не знаю, — по-детски пожимает плечами она.

* * *

В гостиной стоит резкий запах французских сигарет. Никогда не позволяющий курить возле себя папа, сторбившись, сидит на диване окутанный клубами густого дыма, а на его любимом мягком кресле вальяжно и с довольным видом развалился гость. Я вхожу и чувствую на себе его взгляд.

— Ты Яару помнишь? — спрашивает его папа, как будто уговаривая, чуть не умоляя ответить «да».

— Помню, — отвечает гость. — Но тогда она еще совсем крошечной была. Ее не узнать.

Он с неожиданной гибкостью встает и протягивает мне смуглую руку с красивыми длинными пальцами.

— Ты что, всегда ожидаешь чего-то плохого? — спрашивает он, насмешливо улыбаясь, и, обращаясь к папе, поясняет: — Когда она увидела меня в дверях, то посмотрела на меня так, словно я вас обоих убил, а теперь собираюсь прикончить и ее.

— Это правда, — признаю я, и моя отяжелевшая вдруг рука падает вниз, как падает рука человека, теряющего сознание, потому что гость внезапно, не дав мне опомниться, отпускает ее и снова усаживается в кресло. Его хмурые серые глаза внимательно меня изучают, и, сев напротив него, я прячу лицо за волосами.

— Мне надо бежать, — говорю я папе. — Меня дома Йони ждет.

— Ну, как там твоя мама? — спрашивает гость бархатным, дразнящим меня голосом.

— Не очень, — криво улыбаясь, говорю я.

Я всегда криво улыбаюсь, когда вру.

— А ты знаешь, что в молодости мы вместе учились? — спрашивает меня папа, глядя на гостя сияющими глазами. — Даже какое-то время жили вместе. Мы были тогда моложе, чем ты сейчас.

В отличие от папиных, глаза гостя отнюдь не сияют: у него эти воспоминания, по-видимому, такого же восторга не вызывают — но папу это, похоже, не смущает.

— Погоди-ка, — вскакивает он с дивана. — Я обязан показать тебе нашу фотографию.

Прошлое всегда вызывает у него огромное — какое-то даже обидное для меня — волнение.

Из соседней комнаты доносится грохот открываемых ящиков и падающих на пол книг, нарушающий наше угнетающе-неприятное молчание. Взглянув на меня высокомерно, вызывающе, но в то же время равнодушно и даже не попытавшись со мной заговорить, гость закуривает следующую сигарету. Он полностью заполняет своим присутствием пространство гостиной, и мне тоже хочется смотреть на него сияющими глазами, но я не осмеливаюсь их поднять и вместо того, чтоб разглядывать его смуглую безволосую грудь в прорези расстегнутой рубашки с короткими рукавами, сосредотачиваюсь на его остроносых, до смешного начищенных ботинках. Возле них стоит большой черный пакет, на котором золотыми бук-

вами написано: «Левый берег. Одежда из Парижа», и это кажется мне забавным. Щегольство как-то не слишком вяжется с его грубоватой внешностью и деловитым выражением лица. Стараясь не рассмеяться и смущенно покашливая, я мучительно думаю, что бы такое сказать.

— Гарантирую, он ее не найдет, — говорю я наконец. — Он никогда ничего не находит.

— Он не найдет эту фотографию потому, что она у меня, — шепчет гость.

Снова раздается грохот, и, громко выругавшись, папа возвращается в гостиную. Он прихрамывает, а в руках у него — упавший ему на ногу ящик письменного стола.

— Где же эта фотография может быть? — недоумевает он.

— Да ладно тебе, Шломо, — говорит гость насмешливо. — Какая, в сущности, разница?

Но меня это вдруг выводит из себя. Почему он не говорит, что фотография у него?! Почему я сама этого не говорю? Откуда он знает, что я не проговорюсь?

Тем не менее мы, как два заговорщика, продолжаем сидеть молча и наблюдать за энергичными папиными поисками. Наконец я не выдерживаю.

— Меня дома Йони ждет, — повторяю я, словно это — магическая формула, которая способна выволить меня из этой ситуации.

— Жалко, — говорит папа. — Хотел показать тебе, какими мы были.

— Ей это не нужно, — говорит гость, — да и тебе тоже.

— Верно, — соглашаюсь я, хотя я-то как раз не отказалась бы увидеть, как выглядело в молодости его выразительное смуглое лицо.

Прихрамывая, папа провожает меня до двери.

— Она ведь ничем не болеет, правда? — спрашивает он шепотом. — Просто притворяется, да?

— Почему это не болеет? Очень даже болеет. Обязательно вызови врача.

Ступеньки у подъезда усыпаны скользкими, уже начинающими подгнивать листьями. Они тихонько шуршат у меня под ногами, и я осторожно спускаюсь по ним, держась за холодные перила. Еще вчера эти перила были раскаленными, но сегодня жара спала и с неба покапал робкий осенний дождик.

Когда я подхожу к дороге, машины уже едут с включенными фарами. В этот час все автомобили начинают выглядеть одинаково, а люди становятся похожими друг на друга, и, смешавшись с ними, я тоже теперь похожа на всех остальных. Потому что этот вечер красит нас всех одной краской: и заключенную в спальне, как в тюрьме, маму, и принимающего в гостях друга юности, окутанного клубами дыма папу, и ожидающего меня дома Йони, который сейчас, наверно, устало моргает перед экраном компьютера, и живущую неподалеку Ширу.

Кстати, а вот и ее переулочек. Увидев ее дом, я вдруг решаю к ней заглянуть. Сегодня, в университете, мы, правда, уже общались, но мне кажется, что с тех пор у меня накопилось что ей рассказать. Я звоню в дверь, но мне никто не открывает. Не теряя надежды — ведь Ширы может быть в душе или в туалете, — я огибаю дом, вхожу на задний двор и стучусь в окно с опущенными жалюзи, но тут из соседнего, кухонного, окна с мяуканьем вылезает кот Ширы, Тулья. Видимо, ему надоело сидеть дома одному. Я начинаю его гладить; и меня, и его это немного успокаивает. Сначала он мурлычет, распрямив свой серый хвост, а затем укладывается у моих ног, и мне кажется, что он уснул. Но нет. Когда я выхожу из двора и иду по темному переулочку, то замечаю, что его торчащий хвост следует за мной. «Тулья, отвяжись, — говорю я коту, когда единственный в переулочке фонарь несколько раз мигает и гаснет. — Ширы уже скоро придет». Но он упрямо идет за мной, подобно чересчур вежливо-

му хозяину, считающему необходимым проводить гостя, хотя тот уже не знает, как от него избавиться. Папа, думаю я, тоже, наверно, сейчас провожает своего гостя, не в силах расстаться с ним, как со сладким воспоминанием, и вдруг вижу, что оба они переходят дорогу. Папа, чья субтильная фигура с трудом различима в темноте, семенит короткими шажками, а его гость с решительным выражением на бронзовом лице и светящимися, как светоотражатели в ночи, серебристыми волосами, размашисто вышагивает рядом с ним. Я бросаюсь вслед за ними, но, услышав мяуканье Тульи, пинаю ногой воздух, чтоб его прогнать, кричу: «Брысь! Возвращайся домой!» — начинаю переходить дорогу, и вдруг слышу за спиной визг тормозов, глухой звук удара, а затем открывается дверца машины и кто-то кричит: «Чья это кошка? Чья это кошка?» — «Это уже не важно, — отвечает ему чей-то голос. — Какая теперь разница?»

Не решаясь оглянуться назад, я бросаюсь бежать и вскоре догоняю папу с гостем. Они идут в обнимку, и папина голова прижимается к широкому плечу Арье. Но когда я их обгоняю, то вижу, что это не они. Это мужчина и женщина. Они уже немолоды, но любовь их, похоже, так и не состарилась.

* * *

Шумная улица, по которой я иду, приводит меня в наш район. С меня ручьем льет пот, но мне кажется, что это кровь Тульи. Всю дорогу она течет за мной неотвязной струей, и я знаю, что эта струя остановится только возле нашей двери.

— Что с тобой, кротенок? — заботливо спрашивает Йони.

Его мягкий животик прикрывает фартук, а стол накрыт к ужину. На красной салфетке меня приветливо ожидают нож и вилка. Однако вместо того, чтоб обрадоваться, я начинаю злиться.

— Прекрати меня так называть! Сколько раз тебе говорить?! Мне надоело, что ты меня так называешь!

— Но ты же первая начала эти клички использовать, — обиженно округляет глаза Йони.

— И что? Я начала — я и закончила! А ты — нет. Вчера даже при людях меня так назвал. Все подумали, мы умственно отсталые.

— Какая мне разница, что думают все? — бормочет он. — Мне важно лишь то, что думаем мы.

— Когда ты уже наконец поймешь, что нет никаких «мы»?! Есть только «я» и «ты», и каждый имеет право на собственное мнение!

— Но тебе же раньше нравилось, что я тебя так называю? — не сдается он.

— Ну изменилась я, изменилась, — бурчу я. — Почему бы тебе тоже не измениться?

— Я изменюсь, когда сам этого захочу, и нечего мне указывать! — отвечает он и, схватив свою тарелку, демонстративно усаживается перед телевизором.

Я смотрю на стол, в одно мгновение изменивший свою сущность, превратившись из стола на двоих в стол на одного, и думаю: «Как грустно жить одной. И как только это Шире удастся?»

— У меня нет аппетита, — говорю я, вспомнив ее толстого, избалованного, пушистого, мягкого, как подушка, кота, иду в спальню и ложусь в постель.

«Что же мы теперь будем делать без всех этих наших ласковых кличек? — думаю я. — Он больше не назовет меня кротенком, а я его — крысенком... Как же мы будем разговаривать?!» Но тут звонит телефон. Я слышу, как Йони кого-то ласково успокаивает, после чего приходит ко мне и говорит:

— Это Шира.

— Скажи ей, что я сплю.

— Но ты ей нужна, — протягивает он мне рыдающую трубку.

— Тулья исчез, — плачет в трубке Шира, — а соседи говорят, что сегодня какую-то кошку задавили. Я боюсь, что это он.

— Успокойся, — шепчу я. — Это наверняка какая-то другая кошка. Тулья никогда далеко от дома не уходит.

— А у меня такое чувство, что это Тулья. Он ведь по вечерам меня всегда ждет.

— Но он же практически из дома не выходит.

— Я оставила на кухне окно открытым, потому что утром было еще жарко. Я не думала, что он вылезет. Зачем ему вылезать-то? Чем ему дома плохо?

— Он наверняка под кроватью или где-то еще. Ты же этих кошек знаешь: они прячутся и появляются, когда сами сочтут нужным. Иди-ка ты сейчас спать, а завтра утром он тебя разбудит.

— Хорошо бы, если так, — шепчет она и снова начинает плакать. — Он же мне как ребенок. Я без него не могу. Ты обязана помочь мне его найти!

— Но, Шира, я же только что пришла. У меня нет сил даже пошевелиться. Давай подождем до завтра.

— Нет, — упрямо твердит она. — Я обязана найти его сейчас же.

— Ладно, — сдаюсь я.

— А как же ужин? — спрашивает Йони, не переставая жевать, когда я уже стою в дверях. В его глазах разочарование. Кусочек помидора выскользывает у него изо рта и, подрагивая, повисает на подбородке.

— Я должна помочь Шире найти кота.

— Все время ноешь, что я не готовлю, а когда готовлю — не ешь.

— А что я могу поделать?! — выхожу я из себя. — Если б ты сказал, что я сплю, мне бы никуда идти не пришлось. Я бы с радостью осталась сейчас дома, можешь мне поверить.

Продолжая монотонно жевать — словно пережевывая мои слова, — Йони снова поворачивается к телевизору, а я бросаю на него прощальный взгляд и ухожу. Каждый раз, как я его покидаю, мне кажется, что я никогда больше его не увижу, что это в послед-

ний раз, и, хотя я сотни раз на этот счет ошибалась, это ощущение не только не исчезает, но даже обостряется, а страх, что теперь это все-таки произойдет, только усиливается.

* * *

Шира сидит на кухне, положив голову на грязный стол. В волосах у нее застряли крошки.

— Я так этого всегда боялась, — говорит она, — а это даже хуже, чем я думала.

— погоди ты его хоронить, давай сначала поищем, — говорю я и начинаю ползать по полу, заглядывая под кровать и в шкафы и крича дурным голосом: «Тулья! Тулья!» — как будто если я буду очень стараться его найти, это загладит мою вину. Это ведь я должна была вернуть его домой или, по крайней мере, отогнать от дороги. Поэтому я упрямо продолжаю ползать по полу, проклиная тот момент, когда решила к ней зайти. Ну почему, почему я не пошла домой! Что за срочность была такая ей все рассказывать?!

Наконец, когда у меня уже болят колени и я с ног до головы покрываюсь ошметками пыли, как будто нарядилась овцой, я не выдерживаю.

— Хватит, — говорю я. — Пойдем поищем на улице.

Когда мы выходим из дома, она прижимается ко мне своим маленьким жестким телом и, словно кнопками пришила ко мне мою вину, шепчет:

— Спасибо, что пришла. Даже не знаю, что бы я без тебя делала.

Мы ходим по маленьким, примыкающим к дороге улочкам, крича «Тулья! Тулья!», и каждый раз, как из помойки выскакивает кошка, Шира нервно хватается за руку, но затем разочарованно ее отпускает. В конце концов у нас не остается другого выхода, как пойти искать на дороге.

— Поищи ты, — говорит Шира. — Я не могу.